

ИЗ ПРОШЛОГО ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

ДЖ. СТЮАРТ МИЛЛЬ¹

РАССУЖДЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ²

В трех частях

Часть II. СТАТЬИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

С.-Петербург, 1865. – 1–38 с.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Слово «цивилизация», как и множество других терминов философии человеческой природы, имеет двоякое значение. Иногда оно употребляется в смысле человеческого улучшения вообще, иногда в смысле известных родов улучшения – в частности.

Мы привыкли называть страну более цивилизованной, если считаем ее более развитой, более богатой лучшими характерами людей и общества, далее подвинувшейся на пути к совершенству, более счастливой, более благородной, более мудрой. Таков один смысл цивилизации. В другом смысле оно употребляется для обозначения только того рода улучшения, который отличает богатую и могущественную нацию от дикарей или варваров. В этом-то именно смысле мы можем говорить о пороках и бедствиях цивилизации; в этом смысле серьезно предлагался вопрос, составляет ли цивилизация вообще благо или зло? Конечно, мы не имеем на этот счет никакого сомнения, мы признаем цивилизацию благом, полагаем, что она служит источником многих благ и ни одного из них собою не исключает, но мы думаем, что существуют другие блага и притом гораздо высшие, которые цивилизация в этом смысле не производит, и некоторые такие, кото-

¹ Английский философ, логик и экономист.

² В данной статье орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными нормами. После перевода сохраняется авторский стиль.

рые она стремится (хотя этому стремлению можно противодействовать) подавить.

Исследование, к которому поведут эти размышления, имеет своей задачей пролить свет на многие из характерических особенностей нашего времени. Настоящая эпоха есть по преимуществу эпоха цивилизации в тесном смысле: станем ли мы рассматривать то, что уже совершено, или быстрые успехи в достижении других, еще более важных приобретений. Мы не считаем наш век одинаково успевающим или одинаково прогрессивным в многочисленных и разнообразных родах улучшения. В некоторых он кажется нам неподвижным, в иных даже ретроградным. Сверх того неотразимые следствия состояния развивающейся цивилизации, новое положение, в которое этот прогресс поставил и с каждым днем все более и более ставит человечество, совершенная неприменимость старых правил к этому новому положению и ряд новых действий и необходимость принять много новых правил в случае, если бы мы захотели осуществить выгоды нового состояния или сохранить выгоды старого, – вот предметы, которые, кажется, требуют более всестороннего исследования, чем то, которому они обыкновенно подвергались.

В настоящем случае мы будем употреблять слово «цивилизация» только в ограниченном смысле: не в том, в котором оно тождественно улучшению, но в котором оно прямо противоположно невежеству или варварству. Каковы бы ни были характеристические черты того, что мы называем дикой жизнью, противоположные им качества, которые общество принимает, сбрасывая привычки дикой жизни, составляют цивилизацию. Так, дикое племя состоит из горсти индивидуумов, кочующих или рассеянных на обширном пространстве страны; густое население поэтому, обитающее в постоянных жилищах и в большом числе сосредоточенное в городах или селах, мы называем цивилизованным. В дикой жизни нет ни торговли, ни мануфактур, ни земледелия, ни чего-либо подобного; страну, богатую плодами земледелия, торговлей и мануфактурами, мы называем цивилизованною. В диких общинах каждое лицо производит меню для себя. Исключая войны (и тогда даже в весьма несовершенном виде), редко видим мы, чтобы какие-нибудь сложные операции совершались союзом многих лиц; да и вообще дикие не находят большого удовольствия в обществе друг друга. Поэтому всякий раз, как мы находим, что человеческие существа действуют вместе, для общих целей, большими массами и наслаждаются социальными отношениями, мы называем их цивилизованными. В жизни дикой мало или вовсе нет законов и судебной администрации; нет никакого систематического приложения совокупной общественной силы для защиты одного индивидуума от насилия других, каждый полагается на свою собственную силу или искусство и при недостатке их обыкновенно остается без защиты. Поэтому мы называем тот народ цивили-

лизованным, в котором общественные учреждения, имеющие целью ограждение личности и собственности членов общества, достаточно совершенны, для того чтобы поддерживать между ними порядок, то есть внушать большинству общины для охранения своей безопасности обращаться единственно к социальным учреждениям и в большинстве случаев обыкновенной жизни не прибегать для защиты своих интересов к своим личным силам или храбрости (будет ли то посредством нападения или обороны).

Эти ингредиенты цивилизации разнообразны, но дальнейшее исследование достаточно покажет нам, что их справедливо сопоставляют вместе. История и собственная природа их одинаково показывают, что они зарождаются в одно время, всегда сосуществуют и сопровождают друг друга в своем развитии. Там, где достаточно развито знание удобства жизни, достаточно обозначены личность и собственность, для того чтобы возможно было прогрессивное увеличение благосостояния и населения, община становится и продолжает быть прогрессивной во всех элементах, которые мы только что перечислили. Эти элементы существуют в современной Европе (и особенно в Великобритании) в более высокой степени и развиваются в более быстрой прогрессии, нежели в каком-нибудь другом месте или в другое время. Мы намерены рассмотреть некоторые из результатов уже произведенных этим высоким и прогрессивным состоянием цивилизации, и те из не достигнутых еще, к производству которых стремится цивилизация.

Самый замечательный из результатов прогрессивной цивилизации нашего времени, особенно резко представляющийся вниманию мыслящих умов, следующий: могущество переходит все более и более от индивидуумов и небольших корпораций к массам; значение масс постоянно возрастает, значение индивидуумов уменьшается.

Причины, доказательства и следствия этого закона человеческих дел заслуживают нашего полного внимания.

Существуют два элемента, обуславливающие значение и влияние в человеческом обществе: один – собственность, другой – духовные силы и приобретение. Как тот, так и другой в раннюю пору цивилизации составляют достояние немногих лиц. При зарождении общества массы не имеют могущества, потому что не существует собственности и действительного развития (intelligence), за исключением незначительной части общины. Да если бы даже они и существовали, то, обладающие меньшими долями, по своей неспособности к взаимному содействию были бы не в состоянии бороться с теми, которые владели бы большими долями.

В более отсталых странах настоящего времени, а не так давно и во всей Европе, мы видим собственность вполне сосредоточенной в небольшом числе рук, между тем как все остальные лица, за небольшими

исключениями, – или члены военной дружины, зависимые от владельцев собственности, или рабы, бичуемые и терзаемые по произволу одного господина и разоряемые сотнею других. Ни об одном историческом периоде нельзя сказать, чтобы в нем буквально не существовало среднего класса; но класс этот был чрезвычайно слаб как по численности, так и по могуществу; между тем как рабочие классы, поглощенные ручным трудом, с крайними усилиями едва зарабатывали более или менее скудные и всегда ненадежные средства к существованию. Характеристической чертой такого положения общества была крайняя степень бедности и бессилия в массах и чрезмерное значение и бесконтрольное могущество небольшого числа индивидуумов, из которых каждый внутри своей сферы не знал ни закона, ни власти.

Мы должны предоставить истории изложение постепенного возвышения торговых и мануфактурных классов, постепенной эмансипации земледельческого, смут и неурядиц, сопровождавших эти перевороты, и необычайных перемен в учреждениях, мнениях, обычаях и во всей социальной жизни, которые они повели за собой. Нам нужно только попросить читателя составить себе понятие обо всем, что заключается в словах: возвышение среднего класса, и затем подумать о громадном возрастании численности и собственности этого класса в Великобритании, Франции, Германии и других странах в каждую последующую генерацию, и о новой обстановке рабочего класса, получающего такую заработную плату, которая обыкновенно получается теперь почти всеми фабричными, то есть самую многочисленную часть ремесленных классов Англии, и спросить себя: нельзя ли от таких неслыханных причин ожидать и неслыханных последствий. По крайней мере, нельзя не признать того, что если при прогрессе цивилизации собственность и знание так широко разливаются между миллионами, то следствием цивилизации должно быть также и то, чтобы доли той или другой, принадлежащие частным лицам, становились все менее и менее влиятельными и чтобы все результаты более и более производились движениями масс, если только сила комбинации между массами находится в равновесии с развитием их средств. А что это так, кто в этом станет сомневаться? Нет более верного признака прогресса цивилизации, чем развитие способности к взаимному содействию.

Посмотрите на дикаря: у него сильные мышцы, он обладает мужеством, предприимчивостью и часто не лишен умственного развития; что же делает бедными и слабыми все дикие общины? Та же самая причина, которая не позволяла с давних времен львам и тиграм стереть с лица земли человеческую расу, – неспособность к взаимному содействию. Только одни цивилизованные существа могут комбинироваться. Всякая комбинация есть соглашение, жертвование некоторой частью индивидуальной воли в пользу общего дела. Дикарь не может принести в жертву какой-

нибудь цели удовлетворение своей индивидуальной воли. Социальное чувство не может в нем даже временно взять верх над эгоистическим чувством, и его стремления не могут подчиниться расчету. Взгляните также на раба, он привык принуждать свою волю к подчинению по приказаниям господина, а не высшей цели своих собственных требований. У него нет настолько ума, чтобы создать себе такую цель; сверх того, он не в состоянии составить себе понятия о постоянном законе, да если бы и мог, то не способен оставаться верным ему, он привык к контролю, но не к самоуправлению; если погонщик не стоит над ним с плетью, он, подобно дикарю, оказывается не в силах устоять против какого-нибудь увлечения или сдержат какую-нибудь наклонность.

Мы взяли крайние случаи, чтобы нагляднее оттенить факт, выставляемый нами на вид. Но замечание наше само находит себе применение повсюду. Как только какой-нибудь народ приближается к состоянию дикарей или рабов, он делается неспособным к согласной деятельности. Возьмите хоть войну, самое важное занятие варварского народа, посмотрите, как мало успели грубые или полуцивилизованные и рабские нации в борьбе с нациями цивилизованными, начиная с самой Марафонской битвы и до настоящего времени. Почему? Потому что дисциплина могущественнее численного превосходства, и потому еще, что дисциплина, то есть кооперация, доведенная до совершенства, составляет принадлежность цивилизации. Обратимся к нашему времени: вся история Испанской войны свидетельствует о неспособности плохо цивилизованного народа к дружной и согласной деятельности. Несмотря на весь энтузиазм испанской нации в борьбе с Наполеоном, ни один вождь, военный или политический, не мог действовать заодно с другим; ни один не хотел пожертвовать ни одной йотой своей важности, своей власти или своего мнения самым настоятельным требованиям общего дела; ни генералы, ни солдаты неспособны были соблюдать самые простые правила военного искусства. Если от чего можно ожидать решительного действия на умы даже дикарей, то разве от желания одновременным напором сразить грозного соседа, которому ни один из них не в состоянии сопротивляться отдельно; между тем только цивилизованные нации были когда-либо способны образовать союз. Туземные государства Индии были побеждены англичанами поодиночке; Турция заключила мир с Россией в самый момент вторжения в нее французов; народы древнего мира никогда не могли образовать конфедерации против Рима, но были поглощены им одно вслед за другим, а некоторые из них всегда готовы были помогать порабощению остальных. Предприятия, требующие добровольной согласной деятельности многих лиц, независимых одно от другого, удавались только у наций, стоявших на высокой ступени цивилизации.

Нетрудно понять, почему эта неспособность к организованной комби-

нации составляет характеристическую черту дикарей и исчезает с развитием цивилизации. Соединению сил, как и другим трудным делам, можно научиться только на практике; и чтобы быть способным к нему в великих предприятиях, народ должен постепенно приучиться к нему в малых. Теперь весь ход прогресса цивилизации есть ряд таких уроков. Земледелец в грубом состоянии общества работает одиноко, или если несколькими приходится работать вместе по воле господина, то они работают друг подле друга, но не согласно; один пашет свою полосу земли, другой пашет такую же полосу земли с ним рядом. Откуда же может научиться кооперации невежественный земледелец, собственными руками пашущий свое поле и ни с кем не соединяющийся, кроме своей жены и детей? Разделение занятий — совершение одновременным трудом нескольких работ, которая не могла бы быть окончена каким бы то ни было числом лиц порознь, — вот великая школа кооперации. Какой урок, например, представляет навигация, как скоро она вышла из первой ступени своего развития: безопасность всех постоянно зависит от тщательного выполнения каждым ему собственно назначенной части в общем труде. Военные действия, если они не лишены совершенно дисциплины, составляют подобную же школу; так же точно и все коммерческие и мануфактурные операции, требующие употребления многих рук на один и тот же труд в то же самое время. Посредством этих операций люди узнают цену комбинации; они видят, как быстро и как легко совершается то, что без нее никогда бы не было достигнуто; они на практике приучаются подчинять себя руководству и действовать как взаимно зависимые части одного сложного целого. Люди, постепенно привыкшие таким образом к комбинации в исполнении своих обычных занятий, становятся способными вносить те же самые привычки в новые занятия. Ибо всеми вообще признается, что единственный способ выучиться делать что-нибудь, состоит в делании чего-нибудь в подобном же роде при более благоприятных условиях. Привычки к дисциплине, однажды приобретенные, делают людей способными к исполнению всех других предприятий, для которых нужна дисциплина. Они перестают отвергать контроль, перестают быть неспособными видеть его выгоды, и всякий раз, когда представляется цель, которой можно достигнуть посредством кооперации и которая им кажется благотворной, они готовы к достижению ее.

Таким образом, отличительными признаками высокого состояния цивилизации служат распространение собственности и знания и способность кооперации. Прежде всего нельзя не обратить внимания на беспрецедентное развитие всех этих элементов в последние годы.

Быстрота, с какой собственность накоплялась и накапливается в главных странах Европы, в особенности на нашем острове, очевидна для каждого. Капитал промышленных классов переливается в чужеземные страны и

проявляется во всевозможных диких спекуляциях. Величина капитала, ежегодно вывозимого из одной только Великобритании, по всей вероятности, превышает все богатство самых цветущих коммерческих республик древности. Но этот капитал, столь громадный в совокупности, составлен преимущественно из малых долей; обыкновенно так малых, что собственники их не могут без других средств к жизни существовать одними процентами, полученными с них. Между тем при таком возрастании собственности в руках массы в положении высших классов не произошло никакого соответственного улучшения. Правда, много больших состояний было накоплено, но зато много других было растрчено, или совершенно, или только частью, потому что наследники больших имуществ всегда живут, по малой мере, сообразно наибольшему доходу, с них получаемому, и неизбежные колебания этих доходов все глубже и глубже погружают их в долги. Большое число английских землевладельцев, по собственному их признанию, до того завалены закладными, что перестали быть настоящими собственниками большей части своих имений. В других странах большие имения большей частью подвергались раздроблению: во Франции, вследствие революции и революционного закона о наследстве; в Пруссии, вследствие целого ряда эдиктов этого в сущности демократического, хотя по форме абсолютного правительства.

Что в приобретении знаний и развитии умственных способностей массы средних и даже рабочих классов идут вслед за высшими, это не может подлежать сомнению в наш век.

Если мы обратим теперь внимание на успехи, приобретенные этими массами в способности и привычке к кооперации, то найдем их одинаково удивительными. В какой период времени обороты производительной промышленности достигали таких размеров, до каких они доведены в наше время? Где такое значительное количество рук когда-нибудь прежде употреблялось в одно и то же время на одну и ту же работу, как теперь, во всех главных отраслях мануфактур и торговли? До какого громадного размера разрослась в настоящее время деятельность компаний на акциях через соединение множества малых капиталов для образования одного большого. Страна покрыта ассоциациями. Организованы общества для политических, религиозных, филантропических целей; но величайшая из всех новин – это дух ассоциации, возникший между рабочими классами. Настоящий век видел зарождение благотворительных обществ, а теперь они точно так же, как и торговые товарищества, менее, впрочем, окрепшие, распространены по всей стране. Более могущественное, чем все, прежде указанные, хотя не столь осязательное орудие ассоциации, только недавно сделавшееся доступным для всех, представляет газета. Газета передает голоса многих каждому индивидууму; посредством газеты каждый узнает, что другие думают согласно с ним, и что если он готов, то и

других найдет готовыми осуществить свои намерения. Газета есть телеграф, переносящий сигнал по всей стране, и знамя, вокруг которого страна собирается. Дружный голос газет и быстрота перемещения вследствие улучшенных способов сообщения дали возможность всей стране соединиться в ту одновременную энергическую демонстрацию, проникнутую определенной волей, которая произвела акт парламентской реформы. С какой быстротой увеличиваются оба эти удобства, это может видеть всякий; и они дадут людям возможность во всех решительных случаях образовать коллективную волю и придать этой коллективной воле непреодолимую силу.

Можно ли сказать, что наряду с этим удивительным развитием физического и умственного могущества масс развилось соответственное количество интеллектуальных сил или нравственной энергии между теми индивидуумами или классами, которые наслаждались высшими преимуществами цивилизации? Никто, я думаю, не станет утверждать этого. Между нашими высшими классами заметно значительное развитие гуманности, ослабление изуверства точно так же, как высокомерия и кастовой замкнутости, но, следует признаться, не произошло увеличения блестящих дарований и очень заметно ослабели крепость и энергия. При всех преимуществах нынешнего века, удобствах для умственного образования, поощрениях и наградах, которыми он поддерживает возвышенные таланты, едва ли можно указать в летописях Европы на какую-нибудь эпоху, отличавшуюся движением и жизненностью, которая произвела бы на свет так мало выходящего из обычного уровня в нравственном или умственном отношениях.

Что более блестящих результатов не следовало и ожидать от стремлений цивилизации, когда не сделано было ни одной попытки к их исправлению, это мы сейчас будем иметь случай доказать. Но если бы цивилизация даже ничего не сделала для понижения высот, то повышением равнин она произвела бы те же самые результаты. Когда массы становятся могущественными, отдельный индивидуум или небольшая корпорация индивидуумов не в состоянии совершить ничего значительного, разве только посредством влияния на массы, а влиять на массы становится с каждым днем труднее и труднее, вследствие постоянно возрастающего числа соперников, ведущих между собою борьбу за право пользоваться общественным вниманием. Следовательно, не может подлежать сомнению высказанное нами положение, что вследствие естественного развития цивилизации могущество переходит от индивидуумов к массам, и вес, и значение личности в сравнении с массой все более и более ослабевают.

Переворот, который, таким образом, постоянно совершается и в значительных размерах уже совершился, есть величайший переворот, о котором когда-либо повествовали летописи общественных событий, самый ради-

кальный и плодотворный по результатам и самый неотразимый. Кто, вдумавшись в него, не увидит, что такая великая революция изменяет все существующие законы управления и политики и делает негодными всю практику и все предположения, основанные лишь на прежних опытах, тому недостает знания самых первоначальных и самых элементарных политических принципов настоящего времени.

«Необходима», как сказал Токвиль, «новая политическая наука для мира совершенно нового». Весь общественный порядок ниспровергнут, все естественные элементы могущества окончательно переменились местами, а существуют еще люди, толкующие о защите старых учреждений и об обязанности отстаивать британскую конституцию, учрежденную в 1688 г.; еще более удивительно, что находятся люди, обвиняющие других в невнимательности к разностям общественных условий и в навязывании своих отвлеченных теорий всем состояниям общества без разбора.

Мы желали бы спросить людей, называющих себя консерваторами, ужели они на самом деле воображают, что в эпоху, когда главная сила в обществе переходит в руки масс, можно воспрепятствовать массам дать этой силе преобладающее значение как в управлении, так и во всех других сферах! Торжество демократии, или, другими словами, управления посредством общественного мнения, не зависит от мнения какой-нибудь личности или собрания личностей, но от естественных законов развития богатства, от распространения грамотности и удобств человеческих сообщений. Если бы лорд Кэнион или герцог Ньюкестльский могли остановить действие этих причин, тогда, конечно, они в состоянии были бы что-нибудь сделать. Нечего опасаться преобладания демократии в Сирии или Тимбукту. Но тот политик жалок, который не знает, что сила, возрастающая в обществе, проложит себе путь в управление хорошими или дурными средствами. Распределение конституционной власти в Великобритании не может без потрясений долго оставаться в противоречии с распределением действительного могущества, если бы учреждения, препятствующие прогрессу демократии в Великобритании, и могли быть сохранены каким-нибудь чудом, то едва ли произвели бы они что-нибудь более незначительного замедления этого прогресса. Хотя бы даже и не произошло никакого изменения в конституции Великобритании, мы все-таки будем находиться под господством общественного мнения, которое становится с каждым днем все более и более непреодолимым.

Относительно усиливающегося влияния демократии существуют два различных мнения, которые рассудительный и основательный человек может принять, смотря по тому, считает ли он массы приготовленными или не приготовленными к такому управлению своими судьбами, которое повело бы к улучшению существующего порядка вещей. Если он считает их приготовленными, то будет помогать демократическому движению; если

же он полагает, что и без его содействия оно идет вперед довольно быстро, то, во всяком случае, воздержится от противодействия ему. Если же, напротив, он считает массы не подготовленными к разумному самоуправлению, признавая в то же время, что будут ли они подготовлены или нет, невозможно на долгое время воспрепятствовать им приобрести его, — он напряжет все свои усилия, чтобы способствовать их приготовлению; употребит всевозможные средства к тому, чтобы, с одной стороны, сделать народ умнее и лучше, с другой — так возбудить дремлющую энергию достаточных и образованных классов, обогатить юношество этих классов запасом основательных и полезных знаний, вызвать наружу все, что в отдельных личностях есть великого или что может быть возбуждено в стране, чтобы создать силу, которая была бы в состоянии отчасти соперничать с могуществом масс и оказывать на них самое спасительное влияние для их же собственного блага. Понятно, почему при энергическом занятии такими трудами всякий основательный и рассудительный человек будет желать для более успешного их выполнения, чтобы поток демократии, который ни в каком случае нельзя остановить, принял на некоторое время менее стремительное течение. С консерваторами этого сорта все демократы с рациональными и широкими стремлениями могли бы сойтись так же свободно и искренно, как с большей частью своих собственных друзей. И, позволяя себе отвечать за них, мы говорим так на основании обширного знакомства с умнейшими и самыми даровитыми людьми этой партии, вполне убежденные в том, что они никогда не стали бы стремиться к осуществлению своих политических проектов в таком духе или с такою настойчивостью, которая могла бы сделать бесполезными всякие рациональные попытки к достижению целей, самых дорогих для их сердца, к просветлению понятий и облагорожению характеров всех классов их соотечественников.

Но у кого из членов политической партии, называющей себя консерваторами, хватит духу сказать, что он имеет в виду именно эту цель? Стараятся ли они употребить промежуток отдыха, который они могли бы надеяться выиграть, противодействуя демократии, на то, чтобы приготовить народ к более разумному пользованию правами демократии, когда наступит ее время? Не гораздо ли скорее желали бы они противодействовать всяким усилиям такого рода, руководствуясь принципом, что знание есть сила и что дальнейшее распространение его только ускорит приближение зла, которого они так боятся? Чувствуют ли вожди консервативной партии в той или другой палате парламента, что характер высших классов нуждается в обновлении, чтобы стать способным к более трудной задаче и к более жестокой борьбе, нежели какая доселе выпадала на их долю? Не вполне ли удовлетворителен кажется им характер дорийского лорда, сельского помещика или священника англиканской церкви? Не есть ли существую-

щее устройство двух университетов, этих корпораций которых специальной обязанностью было противодействовать расслабляющему влиянию обстоятельств века на индивидуальный характер и высылать в общество ряд умов, не креатур своего века, но людей, способных быть его улучшителями и возродителями университетов, которые подлым образом пренебрегали этой специальной обязанностью до тех пор, пока, как это всегда случается с пренебрегаемыми обязанностями, не изгладились из их памяти самое сознание ее, как обязанности, не есть ли, говорим мы, существующее устройство и вся система этих университетов до мельчайшего из злоупотреблений их исключения диссентеров, такая вещь, за которую каждый тори, хотя и не умрет на последнем окопе, как иногда на словах бывают готовы члены этой партии, но будет, по крайней мере, вотировать при последней подаче голосов? Не менее жалкую картину представляет англиканская церковь, без сомнения, другое великое орудие национальной культуры, с давних пор превратившаяся (мы говорим о правилах, а не об исключениях) в великое орудие подавления всякой культуры, не совместной с слепым повиновением установленным правилам и утвержденным авторитетам. Какой же план тори имеет в виду при всякой перемене в этой корпорации, кроме того, чтобы как-нибудь успокоить нападающих и придать установлению внешнюю форму, не так противную для глаза? Какой политический тори не будет противиться до самого последнего мгновения всякой перемене в этой церкви, вследствие которой духовные места перестали бы раздаваться в обеспечение для пропитания семейства, а ее почести в награду за политические или частные услуги? Тори, по крайней мере, те из них, которые связаны с парламентом или занимают гражданские должности, не стремятся к тому, чтобы иметь хорошие учреждения или даже, чтобы сохранить существующие, их цель извлекать из них выгоды, пока они существуют.

Мы, не стесняясь, заявляем наше убеждение, что истинный дух консерватизма или сохранение всего доброго в принципах и целях нашей старой конституции живет, скорее, во многих из тех, которые считаются врагами этих учреждений в их настоящем виде, нежели в большинстве, называющем себя консерваторами. Но есть много благонамеренных людей, постоянно смешивающих привязанности к цели с упорной привязанностью к какому-нибудь ряду средств, с помощью которых эту цель уже преследовали или только предполагают преследовать; этим людям следует еще узнать, что сословия, пользующиеся почетом и влиянием, под предлогом исполнения целей, к которым они никогда честным путем не стремятся, служат большим препятствием к достижению этих целей; и что всякий, искренно желающий достижения их, должен решиться на истребительную войну со всеми такими сословиями.

Таковы политические следствия цивилизации. Ее нравственные по-

следствия, которых мы до сих пор коснулись только мимоходом, требуют дальнейшего выяснения. Их можно рассматривать с двух сторон: со стороны прямого влияния самой цивилизации на индивидуальный характер и со стороны нравственных последствий, производимых упадком значения личности в сравнении с массами.

Одно из влияний высокого уровня цивилизации на характер есть ослабление индивидуальной энергии или, скорее, сосредоточение ее в тесной сфере индивидуальных эгоистических (к приобретению денег направленных) стремлений. По мере того как подвигается вперед цивилизация, каждое лицо делается зависимым все более и более в том, что ближе всего касается его, не от своих собственных усилий, но от всего общественного строя. В грубом состоянии личная безопасность каждого человека, безопасность его семейства, его собственности, даже самой свободы зависят более от его телесной силы и умственной энергии или находчивости; в цивилизованном состоянии безопасность всего этого обеспечивается средствами, вне его находящимися. Возрастающая мягкость нравов служит ему защитой от многого, чему он подвергался прежде; между тем как в остальном он может с постоянно возрастающей уверенностью положиться на солдата, на полисмена и судью, а там, где энергия или добросовестность этих орудий, как это обыкновенно случается, не соответствует общему ходу цивилизации, – на постепенно возрастающую власть общественного мнения. Побуждениями к развитию и обнаружению личной энергии характера остаются: желание богатства или возвышения, стремление к филантропии и любовь к деятельному добру. Но предметы, которых касаются эти различные чувства, предоставлены свободному выбору и не вызываются необходимостью, да и сами эти чувства далеко не на всех действуют с одинаковой силой. Только на одно из них можно смотреть, некоторым образом, как на нечто общее всем – это на желание богатства. А так как богатство для большинства есть самое доступное средство к удовлетворению всех других желаний, то почти вся энергия характера какая только существует в высокоцивилизированных обществах, сосредоточивается на преследовании этой цели. Впрочем, что касается самых влиятельных классов, которых энергия, если бы они имели ее, могла проявиться в самых широких размерах и сопровождаться значительнейшими результатами, то желание богатства в этой среде настолько уже удовлетворено, что не чувствуется ни малейшего расположения подвергаться новым заботам или добровольно принять на себя тяжелый труд для большого накопления. Эти классы по самому положению в обществе пользуются высокой степенью личного уважения. За исключением высоких государственных должностей, едва ли найдется что-нибудь лестное для честолюбия людей в их положении. Такие должности, конечно, сделались бы предметом желания аристократов высокого происхождения, если бы их можно

было получать по одному собственному желанию и занимать, употребляя меньше забот и труда, чем сколько потребовалось бы для управления своим частным состоянием; но когда с ними обыкновенно связаны многочисленные труды, огорчения и беспокойства, и, кроме того, они не могут быть получены без предварительных усилий, то неудивительно, что, как показывает опыт, между людьми, не привыкшими жертвовать своими удовольствиями и досугом, слишком немного находится таких, на которых высшие государственные должности действовали бы возбуждительно, вызывали бы некоторую силу характера. Таким образом оказывается, что в странах высокоцивилизованных, и в особенности у нас, энергия средних классов почти исключительно ограничивается приобретением денег, а энергия высших классов почти погасла.

Есть другое обстоятельство, которому мы можем приписать много как хороших, так и дурных свойств, отличающих нашу цивилизацию от грубости прежних времен. Одним из последствий цивилизации (чтобы не сказать одним из ее ингредиентов) бывает то, что зрелище и даже самое представление труда и забот все больше и больше становятся чуждыми тем классам, которые вполне наслаждаются всеми благодеяниями цивилизации. Постоянные личные столкновения, делавшиеся необходимыми вследствие особых обстоятельств прежнего времени, и которых едва ли возможно было избежать кому-нибудь, к какому бы классу общества он ни принадлежал, естественно, приучили каждого к зрелищу жестокости, грубости и насилия, к борьбе одной необузданной воли с другой, приучили или переносить заботы и труды, или самому подвергать им других. Поэтому подобные явления не возмущали в такой степени, как в наши дни, даже самых лучших и добродетельных людей прежнего времени, и поведение их, как представляется оно в рассказах, показалось бы самым бесчеловечным в людях нашего века. Они, впрочем, мало думали обременять или подвергать других страданиям, потому что мало понимали сущность оскорблений и страданий вообще. Когда, читая рассказы о деяниях греков и римлян или наших собственных предков, мы замечаем равнодушие к человеческому страданию, мы не должны думать, чтобы совершавшие такие деяния были такими же жестокими, какими должны были бы сделаться мы, для того чтобы решиться на подобные поступки. Они сами привыкли добровольно от незначительных причин переносить такие же страдания, каким подвергали других. Это им не казалось большим злом, как кажется нам и как оно есть на самом деле, и никоим образом не унижало их духа. В наше время необходимости личного столкновения между одним лицом и другим, сравнительно говоря, почти нет. Все общественные должности, которые обязывают какое-нибудь лицо быть непосредственным деятелем или очевидцем человеческих страданий, возложены, по общему согласию, на особенные и немногочисленные классы: на судей, солдат, хирургов,

мясников и палачей. Для большей части людей достаточных страдания, за исключением тех, которые причиняются телу случайными обстоятельствами или болезнью и духу – неизбежными горестями жизни, есть вещь, скорее известная по слухам и теории, чем испытанная на деле. Это в особенности справедливо относительно более утонченных классов и при развитии утонченности, потому что сущность утонченности и состоит именно в избежании зрелищ не только действительного страдания, но и всего того, что возбуждает возмущающие, неприятные представления. Мы можем прибавить также, что это возможно только при совершенстве механического устройства общественной жизни, доступном только при высшем развитии цивилизации. В настоящее время большая часть страданий и неприятностей кажется гораздо более нестерпимыми людям, мало испытавшим их, нежели тем, которые много испытали. Поэтому в более достаточных классах современного цивилизованного общества найдется гораздо более, сравнительно с прежними временами, любезности и гуманности и гораздо менее героизма. Героизм преимущественно состоит в готовности ради предмета достойного делать и страдать и в особенности делать то, что тяжело и неприятно; и кто с ранних пор не приучится к этому, тот никогда не будет обладать сильным характером. Между утонченными классами, между всем классом джентльменов в Англии, распространилась какая-то нравственная изнеженность, неспособность к какому бы то ни было роду борьбы. Они избегают всякого усилия, всего, что может причинить беспокойство и неприятность. Правда, те же причины, вследствие которых они становятся беспечными и непредприимчивыми, делают их по большей части стойкими при неизбежных бедствиях. Но героизм – активное, а не пассивное качество, и когда приходится не терпеть только страдание, а искать его, то в этом отношении немногого можно ожидать от людей нынешнего времени. Они не в состоянии переносить труд, не могут сносить насмешку и злословие, у них нет смелости сказать какую-нибудь неприятность человеку, с которым они привыкли встречаться, или спокойно встретить (даже опираясь на народное сочувствие) холодность небольшого кружка, в котором они вращаются. Эта оцепенелость и трусость в смысле общей характеристической принадлежности века еще недавнего происхождения, но (видоизменяясь по различию темпераментов различных наций) она составляет естественный результат прогресса цивилизации и будет развиваться, пока не противопоставят ей систему образования, которая была бы в силах противодействовать ей.

Если источник великих добродетелей, таким образом, иссыхает, то и великие пороки подвергаются, без сомнения, значительным ограничениям. Власть общественного мнения враждебна, по крайней мере, цинизму в пороках. При постоянном возрастании ограничивающей силы этого мнения, когда она начинает простирается даже на те классы и личности, кото-

рые прежде пользовались правом независимости от нее, эта перемена в высшей степени благоприятствует внешнему приличию в жизни. Нельзя также отрицать и того, что распространение даже тех знаний, которые цивилизация, естественно, приносит с собою, имеет немалое влияние на исправление, хотя бы только по частям, духа общественного мнения, стремится подорвать многие из тех предрассудков и суеверий, которые возбуждают в людях ненависть друг к другу за поступки, на самом деле не заслуживающие ненависти, приучает их оценивать по более верному масштабу людские стремления и поступки и правильное взвешивать причины, на основании которых они рукоплещут одним из своих собратий или осуждают других; одним словом, обращает их одобрение более безошибочно на добрые дела, а неодобрение на дурные.

Нам незачем теперь пускаться в исследование, где пределы этому естественному улучшению общественного мнения, когда нет другого рода образования, кроме того, который сопровождает цивилизацию. Довольно и того, что внутри этих пределов лежит обширное пространство; и этой степени улучшения в здравом смысле, и этого смягчения в чувствах, и разрушения губительных заблуждений, какими, естественно, сопровождается увеличение богатства и развитие любви к чтению, достаточно для того, чтобы приговор общественного мнения над действиями и лицами (насколько они доступны его суду) сделать гораздо более зрелым и правильным.

Но есть другой ряд следствий, производимых цивилизацией, на который, как это часто поражало нас, слишком мало обращали внимания. Индивидуум до такой степени теряется в толпе, что, хотя он все более попадает в зависимость от общего мнения, у него остается, однако же, возможность поставить себя в возможно меньшую зависимость от мнения, утвержденного на прочном основании, от мнения тех, кто его знает. И все труднее становится приобретение твердой репутации, и легче становится обойтись без нее.

Только в небольшом обществе, где каждый знает каждого, общественное мнение, если оно хорошо направляется, оказывает свое благотворное влияние. Возьмите, например, торговца в небольшом уездном городе; каждому из своих обыкновенных покупателей он давно и вполне известен; их мнение о нем образовалось вследствие неоднократных испытаний; если он мог обмануть их один раз, то, конечно, не может надеяться обманывать их постоянно в качестве своих товаров; у него нет в виду других покупателей, если он лишится этих; поэтому если его товары действительно таковы, за какие выдаются, он может надеяться, что при таком небольшом числе конкурентов это всем будет известно и признано и он приобретет личную и торговую репутацию, смотря по своему поведению. Совершенно в другие условия поставлен человек, занимающийся торговлей на

многолюдных улицах обширной столицы. Если он полагается единственно на качество своих товаров, на честность и добросовестность, с какими он ведет свое дело, то может десять лет оставаться без покупателя; несмотря на свою честность, он принужден кричать с крыш домов, что его товары самые лучшие из всех бывших, настоящих и будущих; если бы в словах его не было и тени правды, но если он успел прокричать о себе достаточно громко, чтобы возбудить любопытство проходящих, и в состоянии показать лицом свои товары, придать им наружный глянец, скрывающий их настоящую добротность, то он может вести прибыльную торговлю, хотя ни один покупатель не зайдет другой раз к нему в лавку. В последние годы раздавалось много жалоб как в мире торговом, так и умственном, на развитие шарлатанства и в особенности надувательства, но, кажется, никто не заметил, что это неизбежные следствия чрезмерной конкуренции, такого состояния общества, в котором каждый голос, не выдающийся резко нотой, замирает в общей суматохе. Успех на таком многолюдном поприще зависит не от действительных свойств известного лица, но от того, чем оно кажется: главную роль играют только выдающиеся качества, а не существенные; и усилия, и капитал человека тратятся не столько на самое дело, сколько на уверение других людей, что он его сделал. В наш век это зло усилилось до крайности. Конечно, шарлатанство всегда существовало, но было время, когда оно считалось свидетельством полного отсутствия действительных достоинств. Была пословица, что хорошее вино не нуждается в вывеске. Наш век бывал свидетелем того, как честный продавец вынужден был суровой необходимостью прибегать к шарлатанству, чтобы избежать несомненного подрыва со стороны бесчестных торгашей. В первый раз умение привлекать внимание публики становится необходимым качеством даже вполне добросовестного человека, и ловкость в этом отношении вернее, чем какое-нибудь другое качество, обеспечивает успех. Крайнее развитие конкуренции увлекает торговые классы в самую рискованную игру в надежде на успех, заставляет ставить на карту все, чтобы или воротить с огромным приращением, или остаться ни при чем. Это обстоятельство при крайней затруднительности верных расчетов на коммерческом поприще, принявшем такие огромные размеры, служит причиной, что банкротство перестали считать предосудительным, и потому что невозможно, наверное, определить, произошло ли оно от бесчестности или от неблагоприятия; потеря уважения, которой оно всегда сопровождается, служит, увы! только лишь указателем обеднения. Таким образом, общественное мнение лишается и этого, быть может, самого простого, удобоприменимого и надежного из его критериев для правильной оценки частных личностей; и та самая причина, которая сделала его всемогущим для целого общества, ослабляет верность и силу его приговоров над индивидуумами.

Не для одних только частных добродетелей оказывается вредным этот постоянно усиливающийся упадок индивидуального значения в народных массах. Он вносит порчу в самый источник, струями которого очищается и улучшается самое общественное мнение; он портит общественное образование, ослабляет влияние более образованного меньшинства на большинство. Литература, более чем всякий другой продукт человеческий, пострадала от этого общего недуга. Когда существовало немного книг и когда их читали большей частью люди, привыкшие к чтению лучших авторов, книги писались с весьма основательным предположением, что их прочтут внимательно и хладнокровно, конечно, если они того заслуживают. Автор книги, действительно хорошей, выдавая ее в свет, мог быть уверен, что о ней услышит и прочтет ее весь образованный класс, что она приобретет успех своими действительными достоинствами, хотя бы и не успела с первого раза приковать к себе внимание; да если бы ей и удалось это, ее может спасти от забвения только одно, именно, если она носит печать гениального создания. В то время награды доставались не тем, кто писал много, а тем, кто писал хорошо, трудолюбивым и сведущим, а не поверхностным и плохо образованным писателям. В наше время обстоятельства изменились. «Нынешний век есть век чтения, и именно по этой причине книга, представляющая плод глубокого размышления, читается, быть может, гораздо менее внимательно и менее приносит пользы, нежели прежде. Свет читает слишком много и слишком быстро, чтобы читать как следует. Когда книг было мало, прочесть одну было занятием, требовавшим времени и труда, то, что было написано со вниманием, и читалось с вниманием и с желанием извлечь как можно более материалов для знания. Но что делать, когда почти каждый, по складам разбирающий грамоту, принимается за писательство? Читатель поставлен в затруднительное положение, он не знает, что ему читать, если не хочет читать все без разбора. И такое множество житейских занятий ведется в настоящее время посредством прессы, что необходимо знать почти все, что напечатано, если мы желаем знать, что делается на свете. Мнение такой тяжестью ложится на весах событий, что идеи, сами по себе не имеющие никакого значения, становятся важными уже потому, что они идеи, и, как такие, *bona fide* существуют и принимаются везде, кроме разве домов умалишенных. Таким образом, общество насыщается умственной пищей и, чтобы проглотить как можно более, извергает ее непереваренной. Ничто в настоящее время не читается медленно, ничто не перечитывается. Книги пробегаются с такою же скоростью, как газетная статья, и едва ли оставляют после более продолжительное впечатление. В этом именно заключается одна из причин, почему так мало пишется книг, имеющих действительное достоинство. Львица в басне хвалилась, что она произвела только одного, зато этот один был лев. Но если достоинство определять численностью, то

есть сравнивать число львов и зайцев, считая каждого за единицу, то преимущество, конечно, осталось бы на стороне зайцев. Если каждая единица в отдельности слаба, то их значение и влияние усиливаются общей совокупностью. Удивительно ли поэтому, что все преимущество на стороне газеты? Книга едва ли производит большее действие, чем газетная статья, а таких статей может быть 365 в один год. Оттого и выходит, что автор, которому следовало бы или захотелось бы написать книгу и написать надлежащим образом, в настоящее время бросает первые пришедшие в голову мысли, или то, что ошибочно принимает за мысли, в периодическое издание. И публика находится в положении беспечного человека, который не в состоянии надлежащим образом заняться собственными делами и над которым поэтому приобретает влияние не тот, кто говорит умнее, но тот, кто говорит чаще»¹.

Итак, мы видим, что литература становится все более и более эфемерной; книги, сколько-нибудь солидные, не просматриваются; даже обзоры (журналы) считаются в настоящее время недостаточно легкими, внимание не может сосредоточиться на каком-нибудь серьезном предмете, даже в таких объемах, какие позволяет, например, статья обзора. В более легких родах литературы, романах и магазинах, хотя запрос и сильно увеличился, предложение, однако же, до того взяло перевес, что даже роман редко представляет выгодную спекуляцию. Только при особенных достоинствах и занимательности романа книгопродавец согласится в настоящее время дать что-нибудь автору за его литературную собственность. Так как успех становится все более затруднителен, то все другие цели приносятся в жертву достижению его; литература становится одним отражением ощущений и интересов дня и почти совершенно забыла свое призвание быть их и правительницей, и улучшительницей.

В Англии в настоящее время остались, можно сказать, только два способа, посредством которых индивидуальный ум может надеяться оказать более прямое влияние на умы и судьбу своих соотечественников: он может сделать это будучи или членом парламента, или издателем какой-нибудь лондонской газеты. И на том, и на другом поприще многое еще может быть сделано отдельной личностью, потому что хотя коллективная сила этих органов весьма велика, зато число участников в них не допускает слишком большого возрастания. Одна из этих двух монополий откроется для конкуренции, когда снимется газетная штемпельная пошлина, такой мерой значение газетной прессы, вообще принимаемой за выражение общественного мнения, увеличится, а влияние каждого отдельного писателя на образование этого мнения необходимо уменьшится. Об этом можно было бы нам пожалеть, если бы мы не знали, для каких целей употребляется в настоящее время это влияние, и так будет, без сомнения, до

¹ Из одной статьи автора, не вошедшей в настоящее собрание.

тех пор, пока газеты останутся только одной из форм затраты капитала для извлечения меркантильных выгод.

Ужели же это зло неизлечимо? Ужели упадок индивидуальной энергии, ослабление влияния лучших умов на большинство, развитие шарлатанства и ослабление общественного мнения, как сдерживающей силы, ужели все это — неизбежная дань, которую мы обязаны заплатить за блага цивилизации? И ужели нет других средств избежать всего этого, как только положив преграды распространению знания, ослабив дух комбинации, затруднив улучшения в удобствах жизни и противодействуя дальнейшему возрастанию богатства и производительности? Разумеется, есть. Те выгоды, которые цивилизация не может дать и которые в своем самобытном течении она стремится даже разрушить, могут все-таки существовать наряду с цивилизацией, и только в соединении с цивилизацией они могут принести свои прекрасные плоды. Все, что мы боимся потерять, можно сохранить, и все, что мы уже потеряли, можно вернуть и довести до совершенства, до сих пор неведомого; но не дремля и не предоставляя событий на произвол судьбы, не тратя своих усилий на бесплодную борьбу с непреодолимыми стремлениями века, надо стараться найти такие противодействующие стремления, которые могли бы комбинироваться с первыми и видоизменять их.

Зло заключается в том, что индивидуум теряется и становится бесильным в толпе, что самый индивидуальный характер парализуется и расслабляется. Лекарство против первого недуга состоит в более широкой и усовершенствованной комбинации между индивидуумами; против второго — в национальных воспитательных учреждениях и политических формах, способствующих укреплению индивидуального характера.

Первое из этих желаемых улучшений, так как достижение его зависит от изменения привычек самого общества, может быть осуществлено только постепенно, когда почувствуется в том настоящая необходимость, но обстоятельства даже и теперь в известной мере настоятельно требуют этого. В Великобритании (которая так далеко превосходит остальные страны старого света объемом и быстротой накопления богатства), по преимуществу уменьшение процентов, неизбежное при громадном увеличении народонаселения и капитала, быстро уничтожает класс мелких продавцов и производителей, вследствие невозможности жить на уменьшенные проценты, и постепенно передает занятия всех родов в руки крупных капиталистов, будут ли то богатые частные лица или компании на акциях, образовавшиеся посредством совокупления множества небольших капиталов. Мы не из числа тех, которые полагают, что такой прогресс клонится к совершенному уничтожению конкуренции, или что все производительные средства страны перейдут по прошествии известного числа веков в распоряжение одной огромной общественной ассоциации и будут употреблять-

ся для ее выгоды. Но мы полагаем, что размножение конкурентов во всех отраслях занятий и во всех профессиях, которое так сильно затрудняет возможность достигнуть успеха посредством одних действительных достоинств и, напротив, все более и более облетает его достижение одной благовидной внешностью, встретить, наконец, ограничение в развитии духа кооперации, что во всякой конкурирующей отрасли возникнет стремление между индивидуумами так соединить свой труд или свой капитал, что покупщику или хозяину придется выбирать не между бесчисленным множеством индивидуумов, а между немногими группами. Конкуренция будет так же действительна, как и всегда, но число конкурентов будет приведено в более тесные границы.

В таком духе кооперации всего более нуждаются классы, посвятившие себя умственным занятиям. Сумма человеческого труда, и труда самого драгоценного, которая растрчивается в наше время в таких страшных размерах, по недостатку комбинации неисчислима. Какую картину представляет, например, профессия медика! Один счастливый практикант завален таким громадным количеством работы, для которой не достало бы сил ни у одного смертного и которую он выполняет так поспешно, что иногда лучше было бы совсем за нее не браться; в соседстве с ним в окрестных улицах двадцать несчастных, из которых каждый так же усердно и с такими же пожертвованиями, как и он, воспитывался для своей профессии и, быть может, так же способен к ней, тратят даром свои силы и умирают с голоду за неимением работы. При лучшем порядке эти двадцать образовали бы общество помощников под руководством своего более счастливого вождя, который (полагая, что он действительно более других способный и знающий врач, а не самый счастливый только обманщик) тратит время на пользование людей от головных болей и изжоги, что, впрочем, он мог бы поручить с лучшей экономией человеческих сил своим подчиненным, сам употребив свои более зрелые силы и большую опытность на изучение и исследование тех темных и трудных случаев, которые наука еще не вполне выяснила и для которых недостаточно обыкновенных знаний и способностей. Таким образом, способности каждого лица были бы приведены в известность, и если бы высшим умам были предоставлены и высшие занятия, они трудились бы с гораздо большим успехом, потому что не растрчивали бы времени на обыкновенные случаи.

Но особенно в литературе ощущается самая настоятельная необходимость такой перемены. Здесь система индивидуальной конкуренции вполне выработалась, и дела едва ли могут далее оставаться в том положении, в каком они находятся. Литература представляет собой область такого труда, который, более чем всякий другой, имеет первостепенное значение для человечества; между тем в этой области самые великие и самые важные произведения, всего более способствующие образованию мнений и харак-

теров последующих поколений, более всех других рискуют остаться без надлежащей оценки со стороны большинства покупателей на книжном рынке. И так мало надежды на правильную и своевременную оценку таких произведений, что даже в те времена, когда класс покупателей составлялся из небольшого сравнительно и отборного числа людей образованных, господствовало убеждение, что единственной наградой, на которую могут рассчитывать писатели первой величины, будет для них приговор потомства. В те времена можно было с уверенностью ожидать такого приговора всякому, кто был его достоин; потому что компетентные судьи, хотя их без сомнения и немного было, читали каждое замечательное произведение, являвшееся в их время; и так как впечатление, произведенное одной книгой, тогда не изглаживалось сейчас же сотней других, они вспоминали ее и живо передавали память о ней последующим векам. Но в наши дни вследствие быстрого размножения писателей (которое теперь столько же замечательно, как и множество читателей) и самой методы чтения, которой принуждена следовать читающая публика, трудно произведению, на первых порах не обратившему внимания, привлечь его когда-нибудь. Книга или совсем остается под спудом, или читается так, что после нее не остается никакого прочного впечатления; хорошее, как и дурное, забывается на следующий же день.

Этому помочь нечем, потому что публика не имеет другого руководителя при выборе того, что стоит читать и что не стоит, кроме заявлений книгопродавцев или плохо обдуманых и поспешно составленных критик газет и мелких периодических изданий. Средством против этого со временем послужит организованное общество передовых умов века, при помощи которого произведения первостепенного достоинства какого-то ни было рода и направления могли бы выходить с печатью одобрения тех лиц, имена которых признаны за авторитеты. По многим причинам нам придется еще долго ждать такого устройства, но Общество Распространения Полезных Знаний при всех недостатках как в плане, так и в исполнении было весьма значительным шагом на этом пути, какого только можно было ожидать от первой попытки и при настоящем состоянии человеческих знаний. Литература пережила в Англии два века; в настоящее время для нас должен наступить третий. Век покровительства, как провозгласил Джонсон сто лет тому назад, прошел. Век книгопродавцев, провозглашенный г. Карлэйлем, почти окончил свое существование. В первом не было ничего существенно низкого, во втором не было ничего существенно независимого, свободного. Каждый совершил много великого, для каждого была своя пора. Настанет, быть может, время, когда авторы, как коллективный цех, будут своими собственными покровителями и своими собственными книгопродавцами.

Для выполнения этих желаний нашего времени еще возможно допу-

стить некоторую отсрочку. Гораздо важнее и необходимее другая из двух великих потребностей – возрождение индивидуального характера между нашим образованным и достаточным классом через применение к этой цели наших учреждений и преимущественно воспитательных. Для этой цели можно было бы сделать в скором времени многое, если бы не было недостатка в уме и решимости.

К несчастью, для установления разумных взглядов на этот предмет еще ровно ничего не сделано; ибо все, что бы мы ни стали втолковывать, все, чему бы ни придавали жизненную важность, все, в чем бы полагали мы спасение следующего и будущих поколений, как на беду, почти совсем расходится с самыми популярными доктринами нашего времени и предрассудками людей, почитающих своей обязанностью сберечь гнилую шелуху, перешедшую к нам по наследству от старых времен. Мы одинаково расходимся в мнениях с почитателями Оксфорда и Кэмбриджа, Итона и Вестминстера и с большею частью реформаторов по профессии. На систему этих учреждений, как юна была установлена для двух прошедших столетий, мы смотрим с чувством, немного лучшим крайнего отвращения. Но мы не думаем, чтобы ее недостатки могли быть исправлены приведением университетских занятий в более тесное соприкосновение с тем, что теперь в моде называть «практическими целями», изгнанием логики и классиков, формально и ex officio преподаваемых здесь, и введением новейших языков и опытных наук. Классиков и логику, по нашему мнению, следовало бы преподавать гораздо основательнее и глубже, чем в настоящее время, и прибавить к ним еще другие науки, более других чуждые так называемым практическим целям, но зато более других близкие к развитию и укреплению его ума и характера. Об опытном знании, которого требует свет, которое составляет торговый капитал на денежном рынке жизни, мы бы предоставили свету позаботиться самому и довольствовались бы воспитанием в юношестве нашей страны такого духа и таких привычек, которые способствовали бы ему легко приобретать такого рода знания и хорошо пользоваться ими. Мы знаем, что не таковы убеждения толпы; но уверены, что таковы убеждения лучших и мудрейших людей всех партий, и мы с радостью подтвердим наше мнение извлечением из книги, написанной другом университетов и человеком, скорее консервативного, нежели либерального направления, из книги, которая, хотя и по форме и по содержанию представляется фантазией, содержит, однако же, в себе много светлых, умных мыслей, много выводов из долговременной психологической опытности и написана, мы принуждены сказать это, в духе злой карикатуры, немилосердно, хотя, по нашему убеждению, не намеренно извращающей и перетолковывающей мнения людей, с философией которых не сходится философия автора:

«Вы полагаете (говорил один священник), что назначение университе-

та состоит в приготовлении юношества к успешной карьере в обществе; я полагаю напротив, что единственной задачей его должно быть развитие в них того мужественного характера, который бы дал им возможность устоять против влияний общества. Я не стараюсь доказать, что предположение мое справедливо и что всякий университет, не утвержденный на этом основании, будет слабоумен в младенчестве и бесполезен или даже вреден в зрелом возрасте. Я стараюсь только поставить на вид, что таково было воззрение основателей Оксфорда и Кэмбриджа. Меня страшит, что их последователи постепенно теряют из виду этот принцип, – начинают думать, что их обязанность заключается в приготовлении искусных законников и услужливых чиновников казначейства, радуются, когда свет рассыпает им комплименты за добрые качества члена, которым они подарили его, и что эта низкая суетность поглощает всю их энергию и таланты, предназначенные для образования истинно великих людей, над которыми век будет, положим, смеяться, но которые спасут его от посмеяния времен грядущих».

«Один или двое таких людей, – сказал либерал, – в одно поколение были бы чрезвычайно полезны, но университет дает нам две или три тысячи юношей ежегодно. Надеюсь, вы останетесь довольны, если часть из этого количества будет исправлять ежедневную будничную службу».

«Я желаю видеть поколение, гораздо более способное к работе, более деятельное, чем то, которое мы имеем в настоящее время, – сказал священник, – людей, более настойчивых в труде и менее падких на награды; но весь опыт, внушениями которого школы не имеют права пренебрегать, хотя бы свет и усвоил себе эту привилегию, весь опыт говорит против того мнения, что лучшее средство готовить хороших людей обычного уровня есть отказаться от стремления к высшему и совершеннейшему. Я знаю, что девять десятых из воспитывающихся в университете должны будут сделаться дровосеками или водовозами, но если я буду готовить все десять частей в дровосеки и водовозы, будьте уверены, что дрова будут худо рубиться, вода будет даром проливаться. Стремитесь к чему-нибудь благородному, создайте такую систему, которая могла бы образовывать великого человека, и из ваших маленьких людей выйдут такие мужи, какие вам и не снились. Но когда какой-нибудь искусный ритор или счастливый пройдоха стоит на вершине лестницы, когда университет, вместо того чтобы отказаться от своей креатуры, вместо того чтобы сказать, как бы в извинение себе, что и самая здоровая мать может, по случайным обстоятельствам, произвести на свет безобразного недоноска, в восторге восклицает (чтобы мир мог знать, какие великие вещи университет может произвести): «Мы выучили мальчика!», когда неприязнь, которую испорченные люди будут питать к религии всегда и к образованию, когда оно учит нас возвышаться, а не пресмыкаться по земле, погружаясь в одни ма-

териальные интересы, встречается в университетской среде не открытым негодованием, а уклончивым и фальшивым софизмом, что торговля-де лучше всего для людей подобного сорта, когда все это так бывает на деле, что же удивительного, если мелочные, грошовые интересы охватят массу наших молодых людей, если они станут смеяться над каждым благородным подвигом, примут мнение света за высший масштаб своей деятельности и сочтут свою высшую наградою сидеть среди громких рукоплесканий, продолжающихся несколько мгновений»¹.

Ничто не может быть справедливее и убедительнее представленного здесь описания задач, к выполнению которых должно стремиться университетское образование. Мы не сходимся во мнении с автором только относительно предположения: были ли эти задачи когда-либо достигнуты или даже могли ли они быть достигнуты когда-нибудь при существовании того принципа, который всегда лежал в основании английских университетов и, по несчастью, не ограничивался только ими одними. Затруднение, постоянно препятствующее преобразованию наших старых академических учреждений или основанию новых в таких формах, чтобы они могли давать воспитание, способное образовать великие умы, заключается в том, что для этой цели необходимо начать с искоренения идеи, которую упорно поддерживают почти все защитники и почти все порицатели университетов, относительно задач не только академического, но и всякого образования. Что же это за идея? Задача образования по этой идее заключается не в том, чтобы воспитанник приобрел способность судить, что истинно или что справедливо, но чтобы он считал верным и справедливым то, что мы считаем таким, по этой идее учить – значит втолковывать наши собственные мнения, и наша задача в этом отношении готовить не мыслителей, не исследователей, а учеников. Вот глубоко укоренившееся заблуждение и застарелый предрассудок, с которым приходится бороться истинному реформатору английского образования. Удивительно ли, что не появляются великие умы в стране, где признаком великого ума почитается согласие с мнениями умов посредственных, где каждое учреждение для умственного образования, каким только владеет страна, – церковь, университеты и почти все общины диссентеров – основаны на следующем принципе: цель воспитания заключается не в том, чтобы индивидуум в состоянии был идти вперед отважно и решительно и отыскивать истину ревностно, твердо и бескорыстно, не в том, чтобы снабдить его при выпуске нужными пособиями, материалами и средствами для изыскания истины и затем, нисколько не стесняя, предоставить ему пользоваться ими; не в том, чтобы вследствие свободного общения с мыслями и деяниями великих умов, ему предшествовавших, он мог, вдохновившись отвагою, дерзать на все, чего требуют истина и совесть; с осторожностью взвешивать основа-

¹ Из романа «Fustace Conwey», приписываемого г. Морису.

ния чужих мнений, прежде чем высказывать свои собственные, противоположные общепризнанным. Нет, не в этом полагаются цель воспитания, торжество системы, ее заслуга и превосходство – достоинства, которыми она отличается или которые может сообщить своему питомцу, заключаются в том, чтобы все его умствования окончились принятием на словах известного рода мнений. Принял ли он эти мнения, положившись слепо на авторитет или вследствие самостоятельного исследования их, на это не обращается внимания, лишь бы только принял и, что еще хуже, не придется большой важности и тому, каким путем получен такой результат, принят ли он из честолюбия или корысти, путем ли добровольной или невольной софистической сделки со своим умом в ущерб своим благороднейшим чувствованиям, даже не полагается большой важности и в том, останутся ли для его ума слова эти только словами или выражением действительных предметов, в каком смысле принимает он покровительствуемые одной или другой партией убеждения и соединяет ли с ними хоть какой-нибудь смысл. Разве таким образом воспитывались когда-нибудь великие умы? Никогда. Немногие великие умы, которые произвела Англия, образовались наперекор почти всему, что могло быть сделано для подавления их развития. И все недюжинные мыслители, вышедшие из англиканской или какой-нибудь другой церкви, появлялись в так называемые эпохи вольнодумства или в такое время, когда уважение свободной мысли, возбуждением реакции способствовавшее закреплению догм и форм церковных, еще не ослабело совершенно. Струя расплавленного металла, вырвавшаяся из горнила, пробежала еще несколько шагов, прежде чем застыла вполне.

Английские университеты следовали постоянно тому принципу, что умственная ассоциация человечества должна быть основана на обязательствах, статьях, то есть на обещании верить в известные мнения, что вся цель их действий заключается в том, чтобы вынудить хорошими или дурными средствами у своих питомцев согласие с мнениями, для них поставленными; злоупотребление человеческими способностями, так метко названное Локком выучкою (principling) питомцев, служит для них единственным методом в области религии, политики, нравственности или философии – все это, без сомнения, чрезвычайно дурно, но порок этот с одинаковой силой господствует и вне университетов, и разве только потому особенно бесчестит их, более чем остальное общество, что уже сто лет тому назад гораздо лучшее учение было раскрываемо передовыми умами, с которыми они обязаны были, более чем кто-нибудь другой, держаться в умственном отношении на одном уровне. Но самая дурная сторона этих учреждений состоит в том, что они не заботились ни о какой другой цели, как скоро заветная их цель (указанная сейчас) была достигнута; что, воспитывая церковников, они не заботились воспитывать людей религиозных; производя ториев, решительно не старались образовать патриотов;

успев предупредить какую-нибудь ересь, ни разу не задавали себе вопроса, не куплено ли это торжество ценой умственного отупения. Взгляните на них. В то время как их сектаторский характер, исключение всякого, кто не откажется от свободы своей мысли, отстаивается так, как будто бы от этого зависела вся жизнь, едва ли найдется в университетской системе хотя малейший след серьезной заботливости о каком-либо другом предмете. Почти все профессорские должности превращены в синекуры. Немногие из профессоров изредка прочтут лекцию. Один из немногих великих учеников, которые в течение ста лет вышли из обоих университетов (и он был таким прежде своего вступления), преподобный Конноп Тэрволл (Rev. Connor. Thirlwall), печатно объявил, что по крайней мере в его университете богословие, и даже богословие англиканской церкви, не преподавалось и увольнение его от туторства в коллегии служит одним из многих ежедневно встречающихся доказательств той истины, что безопаснее двадцати человекам пренебрегать своими обязанностями, чем одному обвинять их в пренебрежении. Единственные занятия, которые действительно поощряются, это классики и математика; ни одно из них не бесполезно, хотя значение последней как исключительного орудия для образования умственных сил слишком преувеличено, но г. Уювель (Whewell), важный авторитет против своего собственного университета, издал памфлет, желая, главным образом, доказать, что тот род успехов в математике, за которые получают кэмбриджские степени, проворство в вычислениях, совсем нельзя назвать способствующим высшему развитию разума. Одна шелуха и скорлупа силлогистической логики в одном университете, самое плохое, поверхностное изучение Локка и Пэля в другом – вот все, чему учат из нравственной или психологической науки¹. Как орудия для образования большинства университеты абсолютно ничтожны. Юношество Англии не получает образования. Познания всех родов, требуемые для получения ученых степеней, раздаваемых этими учреждениями, в Кэмбридже крайне жалки; в Оксфорде, хотя в последние годы они несколько выше, но все-таки, по нашему мнению, еще довольно низки. Степени, правда, получают только после долговременных усилий, и если бы даже кандидаты на степени, по крайней мере, были развиваемы умственно (хотя и не выносили бы больших сведений), систему нельзя было бы назвать совсем негодной. Но, спрашивается, что совершили старшие гоноранты (Senior Wranglers) даже в области математики? Произвел ли Кэмбридж со времени Ньютона хотя одного великого математического гения? Мы не говорим такого, как Эйлер, Лаплас или Лагранж, но хоть та-

¹ Исключением в этом отношении следует назвать в Оксфорде этику, политику и риторику Аристотеля. Они составляют часть курса классического образования и служат поэтому исключением из общего правила, во всех других случаях неуклонно соблюдаемого в обоих университетах, – заниматься только наименее полезными отделами древней литературы.

кого, каких несколько десятков произвела Франция в продолжение такого же периода времени. Много ли книг, бросивших свет на историю, древний мир, философию, искусство или древнюю литературу, произвели на свет оба университета со времен реформации? Возьмите для сравнения не только Германию, но даже Италию и Францию. Что делают наши университеты, когда кто-нибудь прославится своими заумными трудами? Они снабжают его материальными средствами не для продолжения ученых занятий, но за прежние труды; не для поощрения к дальнейшей деятельности, но за то, что уже сделано, с единственным только условием – жить по-монашески и надеть одежду церковника по прошествии семи лет. Они нанимают за большую цену людей, чтобы они имели свое оружие готовым к бою, но не требуют, чтобы они сражались¹.

Это ли места образования, из которых должны были бы выходить умы, способные вести победоносную борьбу с расслабляющими влияниями века и укреплять слабые стороны цивилизации, поддерживая высшее образование? Именно таких плодов мы требуем, однако же от этих учреждений или, за негодностью их, от других, которые бы заняли их место. И самым первым шагом к реформе было бы совершенное уничтожение в них сектаторства, не прибегая, однако же, к жалкой мере допущения диссентеров в университетские аудитории затем, чтобы они, приходя сюда, учились ортодоксальному сектаторству, необходимо совсем искоренить самый дух сенаторского учения. Нужно искоренить самый принцип догматической философии, а не какое-нибудь частное проявление этого принципа.

Краеугольным камнем образования, имеющего целью образование великих умов, должно быть признание следующего принципа: цель образования состоит в том, чтобы возбудить как можно большее количество умственной силы и внушить самую глубокую любовь к истине, нисколько не принимая в расчет результатов, к которым может повести проявление этой силы, даже если бы оно привело ученика к мнениям, диаметрально противоположным убеждениям его учителей. Мы говорим это не потому, что считаем мнения не важными, напротив, именно вследствие громадного значения, которое мы приписываем им, потому что соответственно степени умственной силы и любви к истине, которую нам удалось возбудить, усиливается вероятность, что (как бы это ни варьировалось в частных случаях) в сумме случаев результатом будут истинные мнения. И умственная сила, и практическая любовь к истине одинаково невозможны там, где

¹ Многие из того, что сказано здесь об университетах, в значительной степени перестало быть справедливым. Законодательство простерло и на них свое право вмешательства, и, даже прежде этого, университеты вступили уже на путь таких же коренных улучшений, как и все другие английские учреждения. Но я оставляю без изменения эти страницы, как исторический материал, как свидетельство существовавшего направления.

мыслящему уму наперед сказаны положения и прибавлено: от тебя ожидают, что ты придешь именно к ним.

Мы не настолько глупы, чтобы предполагать, что учитель не должен выдавать свои собственные мнения за истинные или не должен напрягать все свои силы, с намерением выставить их истинность в самом ярком свете. Воздерживаться от этого – значило бы воспитывать самую дурную умственную привычку, привычку не находить и не видеть ни в чем полной достоверности. Но учителю самому не следовало бы придерживаться раз навсегда определенного символа. Вопрос должен состоять не в том, справедливы ли его собственные мнения, но в том, хорошо ли ему известны мнения других людей и честно ли он приводит аргументы в пользу всех прошлых мнений, стараясь придать особенную силу своим собственным. В таком духе преподаются все главные предметы с кафедр германских и французских университетов. Обыкновенно там выбирается самый известный профессор, каковы бы ни были его частные взгляды, он учит в духе свободного исследования, а не в духе догматической системы.

Таков принцип всякого академического образования, имеющего целью образование великих умов. Подробности не могут быть слишком разнообразны и многочисленны. Древняя литература займет широкое место в таком курсе образования, потому что она передает нам мысли и действия многих великих умов различного склада и направления и передает в таких формах, которые производят несравненно более сильное впечатление, несравненно лучше возбуждают высокие стремления, чем какая бы то ни было из современных литератур. Как ни слабо впечатление, оставляемое ходячими методами преподавания классиков, все-таки мы слишком много обязаны этому единственному облагораживающему элементу среди рабской механической рутины, которую называют теперь образованием. Не следует также забывать, что к числу благодетельных результатов близкого знакомства с памятниками древности, и в особенности Греции, принадлежит и то, что мы научаемся посредством него ценить и удивляться внутреннему величию в области мнений, обычаев и учреждений самых отдаленных от нас, и таким образом воспитываем в себе чувство широкой всеобъемлющей терпимости, основанной на понимании, а не на равнодушии – чувство свободной, открытой симпатии к могуществу ума и благородству характера, как бы они ни обнаруживались. Если бы одни древние языки и литература преподавались так, чтобы великие образы, представляемые ими, могли являться пред глазами учащегося, как живые действительные личности, не ложась на дно его мозга, как *caput mortuum*, как нечто чуждое, не имеющее никакого влияния на течение его мыслей или на склад чувствований, они могли бы тогда проникнуть его насквозь, уподобляться и превращаться в плоть и кровь его! Тогда только увидели бы мы, как мало еще сделало для нас изучение классиков в сравнении с тем, что

оно может совершить.

Одно из важных мест в системе рассматриваемого нами образования займет также история, потому что она есть повествование о всех великих событиях, совершенных человечеством, и потому что, будучи изучаема философским методом, она расширяет до известной степени умственный кругозор учащегося и знакомит его с действием великих причин. Никаким другим способом не может он в такой полноте реализовать в своем собственном уме, как бы полно и удовлетворительно ему ни доказывали их в форме отвлеченных положений, великие начала, управляющие прогрессом человека и состоянием общества. Никаким другим способом не усвоит он так наглядно бесконечные различия человеческой природы и не исправит с таким успехом все, что есть странного и одностороннего в его собственных воззрениях на нее; нигде не увидит он более наглядного изображения удивительной гибкости и восприимчивости человеческой природы и огромного влияния, которое под хорошим руководством может быть произведено на нее при помощи честных усилий. Литература нашей собственной и других современных наций должна бы изучаться параллельно с историей или, скорее, как часть истории.

В области чистого разума главное место будут занимать логика и умственная философия: одна – как орудие для обработки всех наук, другая – как корень, из которого все они вырастают. Едва ли нужно говорить, что первая не должна быть преподаваема, как простая только система технических правил, а последняя, как цепь нанизанных одно на другое отвлеченных положений. Между нами особенно сильно стремление принимать чужие мнения без действительного понимания их только потому, что они, по-видимому, вытекают из известных принятых посылок, и оставлять их лежать в голове, как безжизненные и не имеющие никакого значения формы слов. Нужно приучать ученика требовать отчета у своего собственного сознания, наблюдать и делать опыты над собой, другим процессом он никогда не приобретет достаточных познаний об уме.

К этому следовало бы присоединить и все те науки, в которых великие и несомненные результаты получаются посредством довольно продолжительных и точных умственных процессов: не то чтобы все должны были изучать каждую из этих наук, но некоторые должны изучать их все, а все – некоторые. Они могут быть разделены на науки чисто рассудочные и еще более трудные, требующие обширного наблюдения и анализа. Таковы по своему теоретическому методу даже те науки, к которым приложимы математические выводы, и таковы все те, которые относятся к человеческой природе. Философия нравственная, политическая, юридическая, политико-экономическая, философия поэзии и изящных искусств должны составлять предметы систематического образования под руководством самых лучших профессоров, какие только могут быть найдены. При их из-

брании нужно обращать внимание не на частные доктрины, которых они могут случайно держаться, а на то, в состоянии ли они так образовать своих учеников, чтобы, расставаясь с учителями, они владели способностью и желанием избрать самостоятельно для себя те или другие доктрины. А почему бы и религию не преподавать таким же образом? И до тех пор, пока ее будут преподавать таким образом, ни одного шага не будет сделано к соглашению религиозных различий и дух англиканской церкви никогда не сделается беспристрастным вместо сектаторского и из враждебного никогда не станет благоприятным свободе мысли и прогрессу человеческого духа.

Что же касается перемен в форме политики и социального устройства, которые в дополнение к реформам в области образования мы считаем необходимыми для возрождения характера высших классов, то изложение их даже вкратце потребовало бы слишком длинного рассуждения. Главная идея, из которой все они исходят, может быть выражена в нескольких словах. Цивилизация до некоторой степени обеспечила и упрочила обладание всеми преимуществами, раз приобретенными, которые дают богачу возможность вести жизнь сибарита, и, несмотря на то, пользоваться в жизни некоторым влиянием и значением, которые прежде можно было заслужить или удержать только личной деятельностью. Мы не в состоянии уничтожить то, что сделала цивилизация, и снова возбуждать энергию высших классов непрочностью собственности или опасностью жизни. Единственный рычаг для их возбуждения, которым мы еще в силах располагать, это репутация и личное значение, и им следует как можно более воспользоваться для поощрения личных заслуг. Самое существенное, что специальные перемены могут сделать для улучшения высших классов, и к этому именно незаметно, но несомненно стремится прогресс демократии, это постепенное уничтожение всякого рода незаслуженных отличий, пока, наконец, останется один только путь к почестям и возвышению, путь личных достоинств.